

— Чжан Хуайлинь, отец-император уже уснул?

Сегодня была очередь Хэлань Си дежурить у постели больного. Состояние Императора Юнмина вновь ухудшилось, и, приняв лекарство, он едва успел прилечь. Однако, судя по тому, как часто приступы случались последние два дня, вряд ли ему удастся быстро заснуть.

Чжан Хуайлинь вышел из покоев и, покачав головой, приметил поднос с лекарством в руках юноши. Он понизил голос и воскликнул:

— Ох, Ваше Высочество, подобные дела можно поручить слугам, зачем же вам самому утруждаться?

Хэлань Си не успел ничего ответить, как из глубины комнаты раздался слабый голос Императора Юнмина:

— Что там?

Они обменялись короткими взглядами и вместе вошли внутрь.

— Глава императорской лечебницы Чэнь прописал новое обезболивающее и снотворное. Он наказал давать его, если отца-императора будет мучить боль, — Хэлань Си поставил лекарство, подошел ближе, помог Императору Юнмину приподняться, проверил пальцами температуру чаши и поднес ложку к его губам.

Его движения были настолько естественными, что Император Юнмин на мгновение замер.

Хэлань Си, казалось, ничего не заметил, но, увидев пристальный взгляд отца, почувствовал себя неловко:

— Что... что-то не так?

— Этими мелочами есть кому заниматься. Ты — принц, человек высокого положения, к чему тебе самому брать на себя подобное? В следующий раз просто вели Чжан Хуайлиню, а тебе, Сяо Ци, достаточно просто побыть рядом со мной, — Император Юнмин с улыбкой похлопал его по руке. Его сердце переполняли облегчение и вина, но закрались и подозрения, отчего мысли спутались.

Когда Император Юнмин еще был принцем, принц Таму, прибывший с посольством от Великой Вэй, с первого взгляда влюбился в Цзян Линъи и тут же попросил ее руки.

Император закрыл глаза. Воспоминания пронеслись перед мысленным взором, словно калейдоскоп. Когда он открыл их снова, перед ними вновь предстал властный правитель.

Цзян Линъи скончалась два года назад. Тогда Хэлань Си было всего четырнадцать — возраст, когда в любой знатной семье столицы ребенок окружен нежностью и заботой.

Хэлань Си помог ему лечь. Слова прощания уже вертелись на языке, но он так и не решился их произнести.

На этот раз Чжан Хуайлинь не дал ему возможности вновь заняться делами, быстро закончил приготовления и оставил отца и сына наедине.

— Подай лекарство.

Больше всего он боялся, что она так и не простит его до самой смерти.

Но то были межгосударственные отношения. Стоило сказать лишнее или поступить опрометчиво — и это обернулось бы катастрофой, которая затронула бы далеко не только ее одну.

Слушая, как легко сын говорит о былых трудностях, Император Юнмин почувствовал, как вина в его груди стала еще тяжелее.

— Что ты хочешь сказать, отец-император?

Семья Цзян десятилетиями защищала границы Великой Вэй, а Цзян Линъи была единственной дочерью в роду. Прежний император не мог игнорировать волю Цзян Е, но и открыто отказать принцу Таму было нельзя, поэтому он переложил решение на саму Цзян Линъи.

— Если я одолею тебя, ты отправишься со мной в степи?

Хэлань Си, казалось, вовсе не замечал этого хитросплетения мыслей отца:

— Ничего страшного. Я привык к этому, когда матушка болела, я ухаживал за ней точно так же.

После того случая И-нян избегала встреч с ним. Она провела долгие, безрадостные годы в Холодном дворце и скончалась, унеся в сердце обиду.

Цзян Линъи, облаченная в боевой костюм, ничуть не испугалась:

— Говорят, мужчины племени Таму — гордые степные орлы. Эта девушка хоть и не искусна, но кое-что смыслит в стрельбе из лука и верховой езде, хотела бы поучиться у вас.

— Скажи... как там твоя матушка?

— Сяо Ци, поговори со мной.

Мир полон красавиц, но тех, кого помнят, не так много. Цзян Линъи прославилась на весь мир, и вовсе не из-за своей ослепительной красоты.

Ему пришлось сесть обратно.

Хэлань Си молча протянул лекарство, наблюдая, как тот залпом осушил чашу.

Хэлань Си всегда знал о чувстве вины отца перед ним и матушкой, и не просто знал — он активно этим пользовался.

— Разумеется. Я, император Великой Вэй, здесь, чтобы засвидетельствовать это. Осмелишься?

На глазах у всего народа она, будучи женщиной, превзошла степного принца Таму в искусстве стрельбы и верховой езды. Прежний император назвал ее доблестной дочерью полководца, чья красота не уступает мужской отваге, и с тех пор о ней узнал весь мир.

Люди знали лишь Цзян Линъи, но не знали Цзян И-нян — ту, что свою мягкость и нежность дарила лишь одному человеку.

Увы, ее искренность была предана.

В час свиньи (21:45) лекарство подействовало, Император Юнмин погрузился в глубокий сон, и Хэлань Си наконец смог уйти.

Фан Юань долго ждал его у дворца Хуачжан, но, увидев его, Хэлань Си махнул рукой и сказал, что хочет прогуляться один.

Что за прогулки в такую позднюю пору?

Фан Юань с опаской относился к ночным прогулкам принца, но не смог противостоять его решимости.

— Нынче времена не те, что прежде, никто в здравом уме не осмелится напасть на меня прямо посреди императорского города. Если переживаешь, приходи искать меня в час крысы (23:00).

—

Луна поднялась высоко, когда в Павильоне Вэньюань погасли последние свечи.

Се И никого не оставил прислуживать, привел стол в порядок и ушел в одиночестве.

Путь от Павильона Вэньюань до дворцовых ворот пролегал вдоль стены. Дорога была пуста, лишь тени деревьев зловеще раскачивались под ветром, и, кроме шума листвы, царила мертвая тишина.

Впереди внезапно раздался звук — словно что-то упало и разбилось, нарушая покой.

Се И помрачнел, поднял фонарь и пошел на шум. В углу стены он обнаружил разбитый винный кувшин; остатки вина медленно вытекали на землю, наполняя воздух густым ароматом.

— М? Ты...

Сверху донесся невнятный голос юноши. Се И поднял фонарь и, узнав знакомые черты лица, позволил свету осветить и самого себя, чтобы Хэлань Си мог его разглядеть.

— Старый лис! — Хэлань Си обрадовался встрече, совершенно не осознавая, что произнес вслух то, что обычно держал при себе.

Старый лис?

Се И поднял голову, глядя на пошатывающегося на стене Маленького принца, и издал невнятный смешок.

— Так поздно, Ваше Высочество, что вы делаете здесь в одиночку?

Услышав это, радость Хэлань Си мгновенно улетучилась. Он поджал губы и покачал головой, явно не желая продолжать разговор.

Се И не стал настаивать, но оставлять его одного было неразумно — такая высокая стена, падение с нее не сулило ничего хорошего. Он терпеливо уговаривал:

— Наверху ветрено, позвольте мне проводить вас обратно, Ваше Высочество?

И как только этот пьянчужка забрался так высоко?

Первый министр осторожно пытался уговорить его спуститься, но Хэлань Си оставался неподвижен. Он вдруг задал совершенно неуместный вопрос:

— Старый лис, почему ты не вместе со своей возлюбленной?

Се И тяжело вздохнул:

— Ваше Высочество, у меня нет возлюбленной. Это был... просто важный друг.

— А-а... — Хэлань Си склонил голову, выглядя совершенно ошарашенным.

Се И утратил былое хладнокровие, но под настойчивыми расспросами юноши в памяти всплыли старые воспоминания.

Возможно, дело было в пьяной прихоти Маленького принца, а может — в ярком лунном свете, но, впервые за долгое время, Се И вдруг почувствовал желание выговориться.

— Я дал ему обещание, но принял неверное решение, которое погубило одного человека, — сказал он. — Хотя я и не желал этого... Ваше Высочество, как вы думаете, можно ли меня простить?

Хэлань Си, покачиваясь, прислонился к растущему у стены дереву софоры и, щурясь, посмотрел вниз:

— Кто умер?

Се И смотрел на него издали и, помолчав, ответил с улыбкой:

— Вы пьяны, Ваше Высочество.

Пьяные люди никогда не признают, что они пьяны, и Хэлань Си не стал исключением. Вспомнив о разбитом кувшине, он неразумно обвинил во всем Се И:

— Это все ты! Выскочил внезапно и напугал меня! Плати за мое вино!

Вообще-то, внезапным гостем был как раз он сам. Настоящий вор кричит «держи вора».

Се И поднял осколок, понюхал его и прищурился:

— Откуда у Вашего Высочества такое старое вино?

Похоже, привычка подчиняться наставникам в учебном кабинете взяла свое: столкнувшись с холодным и строгим Се И, Хэлань Си невольно стушевался и честно признался:

— Выкопал под персиковым деревом в Холодном дворце.

Выходило, что Маленький принц среди ночи прибежал в Холодный дворец, выкопал этот кувшин и отправился на дорогу, по которой должен был пройти Се И, чтобы напиться.

Настоящий «молодец».

— Спускайтесь, — сухо приказал Се И.

Если уговоры не действуют, приходится прибегать к жестким мерам. Если они проторчат здесь еще дольше, патрульные стражники рано или поздно обнаружат их, и потом не оберешься слухов.

Хэлань Си вцепился в дерево, икнул и ответил:

— Я... я не могу спуститься...

Се И: «...»

Хэлань Си сам чувствовал себя неловко: забраться забрался, а слезть не может — позор-то какой. Он посмотрел вниз, оценивая высоту, и сделал осторожный шаг, но голова пошла кругом, и он рухнул вниз.

К счастью, его встретила не холодная земля, а объятия Се И.

Маленький пьяница довольно рассмеялся:

— Старый лис, ты поймал меня?

Сердце Се И наконец вернулось на место, он глубоко вздохнул. Его двадцатилетняя выдержка чуть было не отправилась к праотцам.

Ладно, ребенок еще мал.

Се И утешил себя, крепче прижал к себе юношу и направился к покоям Хэлань Си.

Поначалу Маленький принц вел себя беспокойно, ворчал, что ему плохо, но вскоре склонил голову на плечо Се И и уснул.

— Господин Се? Ваше Высочество, это вы... — Фан Юань только вышел за ворота и, увидев, как

Се И несет на руках принца, решил, что ему померещилось.

Се И сохранял невозмутимость:

— Ничего страшного, он просто перепил. Принеси отвар от похмелья.

— Слушаюсь! — Фан Юань поспешил исполнить приказ.

Как только Хэлань Си оказался на кровати и почувствовал, что объятия Се И разомкнулись, он сонно открыл глаза. Не успел тот отойти, как принц с силой потянул его за руку, прижал к себе, как подушку, и снова провалился в сон.

Когда Фан Юань вошел с отваром, он увидел именно эту картину и невольно остолбенел.

Господин Се был прикован к кровати, а его свободная рука между тем заботливо касалась лба принца, проверяя температуру. Хотя лицо его оставалось бесстрастным, движения были невероятно нежными.

Он робко подошел ближе:

— Господин Се, отвар готов.

— М-м, — сухо отозвался Се И, помог Хэлань Си сесть, одной рукой принял фарфоровую чашу и уговорил его выпить лекарство.

Когда он попытался уйти, Хэлань Си наотрез отказался отпустить его руку.

— Матушка... не уходи, — пробормотал он во сне.

Фан Юань смущенно произнес:

— Ваше Высочество он...

— В Холодном дворце под персиковым деревом зарыто вино? — вдруг спросил Се И.

Фан Юань замер, глядя на них двоих, и кивнул:

— Да, И-фэй закопала его собственноручно в день рождения Вашего Высочества в седьмой год правления Юнмин.

Вот оно что.

Но...

— Его день рождения должен быть зимой, — Се И нахмурился, погружившись в раздумья.

Фан Юань еще не успел понять, почему Господин Се так много знает о делах его господина, как Се И высвободился из рук Хэлань Си.

— Хорошо заботься о нем.

Се И ушел без колебаний, но ночью ветер снаружи стал казаться намного холоднее.

<http://bllate.org/book/21322/2163145>